

ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА В СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ НЭПА В КОНТЕКСТЕ ФОРМ МОДЕРНИЗАЦИИ

Принцип системного исследования довольно давно известен в социогуманитаристике как инструмент, пригодный для изучения сложных общественных систем типа стран, народов, их хозяйственного развития или культуры. Уже натурфилософия XVI в. рассматривает природу и историю как целостные системы. С эпохи Возрождения ученые, практикующие работу с историческими ситуациями, сталкиваются с плохо осознаваемым логическим противоречием – разрывом между разными формами исторического времени. Он выражается в явном несовпадении материалов источников, повествующих о конкретных исторических ситуациях, и реальными последствиями описанных там событий. Практика показывает, что время реальной жизни и время в источниках явно не совпадают. «Время историческое» раз от раза оказывается сложным понятием. Хронологические маркеры в нем теряют свою привычную точность, становятся второстепенными, а то и меняют свое значение, превращаются в социокультурные метафоры. Постепенно длительность исторического времени приобретает для исследователей гносеологический смысл. Достаточно быстро (с исторической точки зрения) ученые убеждаются, что на больших хронологических отрезках легче проследить общие тенденции развития, на небольших удобнее изучать конкретные состояния. Более того, небольшие хронологические отрезки вводят в исторические исследования исторические персонажи разного плана. Конкретные события приобретают свой облик через участие людей, но большая историческая перспектива сглаживает, упрощает, а то и вовсе поглощает их облик. С последней трети XVIII в. ученые предпринимают настойчивые попытки превратить исследовательский принцип системного анализа в практику конкретного исторического исследования. До настоящего времени длится поиск способов совмещения разных форм выражения и восприятия исторического времени. Процесс длительный, разделенный на отрезки разной результативности. Эпистемологический опыт накапливается медленно, рэперных точек в этом процессе не так уж много. Сначала формируется опыт построения целостной устойчивой системы. У истоков осознания познавательной природы таких объектов стоит И. Кант. Историография XX в. воспринимает его идеи через концепцию соотношения Большого и Малого исторического времени, сформулированную Ф. Броделем. Параллельно все чаще ученые обращают внимание на роль неустойчивости общественных систем, опорой которых всегда являются люди. Опять-таки осмысливается эта неустойчивость издавна, а формулируется и принимается полем ученого дискурса, начиная с XVIII в. До дня идеи просветителей (Г. Гроция, Ш. Монтескье, Вольтера, Д. Юма, Ж.-Ж. Руссо и др.) о естественном праве и общественном договоре вдохновляют многих социогуманитаристов как новооткрытые. Сама гносеологическая парадигма, однако, существенно изменяется. На первый план выходит неустойчивость общественных систем, их способность к изменениям, трансформациям. Соответственно меняются и эпистемологические принципы, подчиненные им стратегии и практики понимания и описания системных характеристик исторических объектов.

Происходящие изменения хорошо видны при сопоставлении знания двух историко-культурных эпох – Модерна и Постмодерна. Марксизм как системная теория занимает особое место в дискурсивном поле исторического знания обеих.

Теория марксизма родилась в системе классического знания, ориентированного на поиск устойчивых характеристик общественных систем. В классическом историческом дискурсе она оказалась удобной для описания макропроцессов, протекавших на уровне объективных тенденций Большого исторического времени. С ее помощью удалось создать достаточно четкую недвусмысленную картину развития общества от древности до настоящего времени, пролонгированного в будущее. В ней нашлось место и для конкретных людей. Природу их субъективности предложенная система сумела объяснить объективной природой типов общественно-экономического развития, культур. В отличие от Канта и Гегеля, марксизм представил общественное развитие не закрытой системой, завершающейся настоящим, а открытой, объясняющей возможность дальнейшей трансформации людей, общества и человечества в целом. В теории общественно-экономических формаций появилось место и для различных форм пространств времени, но этот потенциал оказался доступным историкам далеко не сразу. В течении XX в. он стал полем соединения представлений о социальных системах, созданных общей теорией систем (эпоха Модерна) и теорией динамических систем (эпоха Постмодерна). Упрощенность теории формаций позволила достаточно большому количеству практикующих историков включить системный анализ в конкретно-исторические исследования. Освоение открытий психологической науки на уровнях изучения личности и социальных групп, происходившее в основном вне рамок марксистской теории, проявил и познавательный потенциал марксизма. 1970–90-е гг. – время попыток отказаться от марксизма как от идеологии и постоянное возвращение к нему то как к гносеологической теории, то как к новому прочтению системного анализа (И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов [1; 2] и многие другие), то как к некоей совокупной социальной истории, то как к мирсистемному анализу (И. Вал-

лерстайн [3; 4, с. 153–166] и его последователи в России и вне неё). В последней трети XIX – начале XXI в. самая простая из системных макротеорий исторического развития попадает в условия становления исторического знания эпохи Постмодерна и постепенно находит в нем свое место. Рэперные точки такого поворота в понимании социогуманитаристики пока определяются.

Особняком в процессе формирования представлений о системном анализе, ориентированном на представление о временной устойчивости социокультурных систем, стоит философия истории Л. П. Карсавина. В начале 1920-х гениальный русский историк создал труд, фактически открывший миру особенности применения теории динамических систем в истории. Лейтмотив его философии истории – объяснение различий между терминами «изменение» и «развитие» [5]. Оценка значения этого труда впереди. Его идеи все еще не очень освоены даже коллегами Л. П. Карсавина медиевистами. Сложности связаны со спецификой понятийно-терминологического ряда, использованного автором для описания научной парадигмы нового типа. Ученому удалось его создать, но он не смог сделать новую терминологию общезначимой. Текст «Философии истории» трудно читать даже русскоязычным, еще труднее перевести этот труд на европейские языки. Проще рассматривать новое в системном моделировании исторического знания эпохи Постмодерна на конкретных примерах. Возьмем для этого обеспеченную столетней историографией проблему нэпа, в понимании которой обнаруживаются все новые модификации.

В изучении нэпа как исторического феномена свою роль сыграли увлечение марксизмом, практически одномоментный отказ от него и постепенное возвращение к пониманию системной природы событий, описываемых как нэп, не через отказ от марксизма, а с учетом его открытий.

Для современного кризиса исторических знаний характерен методологический плюрализм, понимаемый как противопоставление монистическому пониманию истории. На деле практически весь период рождения культуры эпохи Постмодерна активно ведется поиск альтернативных теорий, способных создавать столь же простые и логически емкие системные гносеологические модели, как это мог делать марксизм в системе классического дискурса. История цивилизаций, «повороты» в понимании механизмов исторических событий, формирования культуры и изменений в ней нацелены именно на такой методологический поиск. По сути, упомянутые выше социальная история, целый куст модернизационных теорий, мирсистемный анализ – постепенное возвращение к конкретным системным моделям общественно-экономических и социокультурных тенденций.

Нэп как конкретно-историческое явление, достаточно четко очерчен документально и сравнительно невелик: с 1921 г. по 1929 г., однако исторических дискуссий и литературы о нем великое множество [6; 7; 8; 9]. В своем историческом осмыслении нэп прошел следующие периоды:

1. 1920-е гг. В этот период о нэпе писали разработчики новой экономической концепции, непосредственные участники событий, а также представители русской эмиграции. Для большинства авторов характерно отсутствие понимания целостной природы отечественной истории, сформировавшей концепции нэпа.

2. 1930-е – первая половина 1950-х гг. – ослабление интереса исследователей к проблеме нэпа, поскольку она уходит на периферию развития экономики СССР того времени и стран формирующегося социалистического лагеря.

3. Вторая половина 1950-х – первая половина 1980-х гг. – время, когда политики, экономисты и историки пытаются переосмыслить нэп с учетом возросшего интереса к различным формам перехода от капитализма к социализму. В связи с ослаблением режима секретности, наступившей оттепели, в научный оборот поступает многочисленный архивный материал, в том числе и по событиям периода нэпа. Меняется само представление о возможностях изучения социально-экономических процессов в связи с развитием представлений о кибернетических системах и освоением историками новых форм обобщения статистических данных по методике анализа больших цифровых баз данных. Подход к изучению систем в истории становится более конкретным, что приводит и к обнаружению массы оттенков в событиях экономической, политической и культурной истории 1920-х гг. Вырисовывается круг исторических проблем, связанных с изучением нэпа. Границы нэпа как явления экономической истории размываются и теряют свою хронологическую точность. Вместе с ней исчезает и односторонность в понимании ее политических и социокультурных характеристик.

4. Очередное переосмысление проблемы нэпа как части переходного периода ранней истории СССР (середина 1980-х гг. – настоящее время) – это повседневность современного исторического дискурса, время принципиальной переоценки научных представлений о нэпе, в том числе и в контексте усложняющихся концепций модернизационных процессов. Нэп перестает восприниматься исследователями односторонне, как политическое или социально-экономическое явление только 1920-х гг. На первый план в его описаниях и интерпретациях выходят взаимоотношения власти и общества. Политические и идеологические интерпретации истории нэпа становятся объектом историографического анализа и постепенно выводятся из сферы гносеологии в область эпистемологии. Они тоже становятся одним из компонентов построения набора моделей, описывающих нэп как одну из попыток многоканального перехода от капиталистических отношений к некапиталистическим.

Этапы изучения нэпа выглядят как закономерная последовательность развития исторических знаний. Мы видим, как на протяжении смены подходов, восприятий и интерпретаций проявляют себя законы изучения историографии. Первый этап – преобладание эмоций, публицистичности, откровенной пропаганды, но сквозь них постепенно пробивается осознание проблемы. Второй – отличается доминированием идеологических установок и доктрин; аксиология как часть научного дискурса, формируется по принципу полярности точек зрения или позиций в дискуссиях. На третьем этапе идет накопление конкретного материала и его осмысление по маятниковому принципу: от целого к региональной специфике и обратно. Амплитуда научного поиска то сужается, то расширяется, усложняется его векторность, фиксируется многомерность отмечаемых пересечений. На четвертом этапе осознается ограниченность восприятия проблемы как борьбы двух альтернативных вариантов по принципу исключения (или-или). Начинается целенаправленный поиск выхода из сферы публицистики и политических пристрастий в область научного осмысления проблемы через создание целостной модели объекта исследования. В ней намечаются ядро и периферия, создается перспектива сущностных обобщений нового уровня. Применительно к нэпу современная отечественная историография демонстрирует интерес к теоретическим проблемам перехода от одной модели социокультурного развития к другой, изменению методологических подходов к изучению событий 1920-х гг. как подсистемы более сложных социокультурных образований от локальных до геополитических, переоценке их роли и функций на каждом из уровней логического обобщения. На повестке дня стоит вопрос о разработке теории среднего уровня и соотношении результатов научных исследований с уже разработанными теориями.

Если рассматривать проблему нэпа, как это часто бывает, в сравнении с последующей коллективизацией, то ядром истории нэпа становится проблема кооперации. Кооперация выходит на первый план как системообразующий компонент и в том случае, если мы рассматриваем нэп как недолгое продолжение развития капиталистических тенденций в российской деревне, которая лишь в 1860-х гг. начала целенаправленно избавляться от пережитков феодальных отношений. Думаем, что современное состояние частной собственности на земли сельскохозяйственного назначения, неотъемлемо пока связанное с состоянием продовольственной безопасности страны, может опять сделать проблему кооперации актуальной. С точки зрения изменений форм кооперации в сельском хозяйстве нэп – не феномен и не самоцель, а один из механизмов регуляции целого комплекса взаимоотношений власти и общества.

Давайте взглянем на проблему кооперации в отечественном сельском хозяйстве через понятия разных моделей и форм модернизации: органической и неорганической, ускоренной, догоняющей или запоздалой (запаздывающей) и т. д.

Социал-демократия в России рассматривала разные модели модернизации. На рубеже XIX–XX вв. они подводились под понятие вестернизации, вербализованном в российском контексте Г. В. Плехановым. Вестернизация для него – необходимость создавать в России условия для ускоренного развития капиталистических отношений и формирования промышленного пролетариата как силы для успешной социалистической революции. Для современников Г. В. Плеханова, его последователей и оппонентов кооперация и нэп – прежде всего механизмы вестернизации.

Еще до всех и всяческих революций в России В. И. Ленин писал об американском и прусском пути развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Его мысли стали приобретать очертания конкретной социальной практики при подготовке Октябрьских событий и создания республики Советов. Не у него одного были представления о состоянии и судьбе буржуазных отношений в дореволюционной российской деревне. Не он один думал, как лучше опереться на крестьянство в условиях явной недостаточности сил российского пролетариата для достижения политических целей социал-демократии и коммунистов. Петросовет имел свои мысли о некапиталистической модели модернизации. В Декрете о земле преобладали идеи аграрной программы партии социалистов-революционеров. В литературе обычно присутствуют две модели модернизации, приписываемые тому времени: направленная на изоляцию и перевоспитание крестьянства (Л. Д. Троцкий), на привлечение и воспитание политической сознательности крестьян (В. И. Ленин и И. В. Сталин времен «Головокружения от успехов»). Имел место и еще один проект построения нового общества через госкапитализм в промышленности и капиталистическую модернизацию как инструмент ускоренного созревания крестьянской массы до принятия социалистических идей (левые эсеры, А. И. Рыков и др.). Основой этой модели модернизации в деревне должно было стать индивидуальное крестьянское хозяйство, получившее возможность стать середнячком. А дальше ожидалось естественное разложение крестьянской собственности. Не только авторы эсеровской аграрной программы, но и принявшие ее как временную меру большевики, надеялись, что образованные сознательные крестьяне сами выберут социализм. И ведь выбирали, но не всегда. В массе своей выбрали и не совсем через аграрное развитие (времени не хватило), а через промышленный переворот и культурную революцию. Образование открыло новые социальные лифты и помогло избытку сельского населения перебраться в город или перейти в другие социальные группы (рабочие; управленцы и идеологи; люди свободных профессий). России – СССР пришлось столкнуться

в первой трети XX в. со спрессованными темпы развития социально-экономического фактора из-за внешнего давления. Из-за него же выбор более архаизированных темпов развития капитализма (еще до большевиков в стране началась ранняя монополизация промышленности, которая помогала конкурировать на международном рынке; в 1990-е годы те же функции выполняли ранние формы кооперации и позже колхозное строительство как начальные формы коллективного выхода на внутренний и международный рынки разрозненных сельских производителей). Ускоренная коллективизация стала только одной из запущенных моделей модернизации. А их в стране было несколько. И толчки к их развитию были даны гораздо раньше и не только большевиками.

Как инструмент советской ускоренной модернизации, нэп дал стране не только возможность экономической передышки после завершения гражданской войны. Компромисс во взаимоотношениях общества и власти подарил стране несколько лет стабильности. Появились, благодаря нэпу и другие преимущества. Проведение новой экономической политики, несмотря на краткость (всего-то несколько лет!), сделало многомиллионную массу российского крестьянства более восприимчивой к мероприятиям культурной революции. Они помогали большинству крестьянства обрести чувство собственного достоинства и для многих из них изменили механизмы социального лифта. Не это ли помогло советской государственности выстоять в борьбе не только с капиталистической системой, но и с ее коллективной агрессией!

Осознать многофакторность и топологическую природу процессов, включающих в себя и недолгий нэп, и более длительное преобладание колхозного строительства, да и возвращение к запоздалому развитию капитализма в стране ученым помогает теория модернизации. Родившись в рамках послевоенной интерпретации классического марксизма, она хорошо вписывается в формирующееся знание эпохи Постмодерна, поскольку помогает осознать многовекторность, многоуровневость и многофакторность исторического развития. На методологическом уровне этапы формирования и изменения восприятия теории модернизации отрефлексируются отечественными учеными настолько хорошо, что могут быть описаны и осмыслены в монографиях, сформулированы в учебной и справочной литературе [10; 11; 12, с. 298–308, 4, с. 133–152].

Современной эволюции теории модернизации помогает разработка проблематики взаимосвязи и взаимозависимости моделей исторического пространства и времени. Именно они требуют многоуровневости в понимании и описании различных форм модернизации. В зависимости от того, в какую пространственно-временную модель включается нэп, ее функциональное предназначение меняется. Нэп выступает то как экономическая политика, то как модель переходного периода, то как методика перехода, то как механизм регуляции темпов экономического развития. Вся дискуссионность изучения нэпа на настоящий момент вытекает из доминирования в ее оценках экономического аспекта. Разноуровневая интерпретация нэпа показывает потребность в ее 3D моделировании. Многочисленные интерпретации нэпа в науке Постмодерна становятся не поводом для идейных разногласий, а иерархией шагов к пониманию многоуровневости и соотношения устойчивости /неустойчивости в общественных и социокультурных системах.

Впереди переосмысление фрагментарных устойчивых моделей модернизации развивающихся стран, дальнейшее осознание роли теоретических моделей среднего уровня, способных связать процессы, протекавшие на местах и отразившиеся в исторических источниках, с геополитическими тенденциями развития человеческой цивилизации, открытой в себя будущую. И конечно, практическое освоение применения таких методологических навыков к изучению многоуровневых событий, развивающихся в топологической многомерности исторического пространство времени.

1. Ковальченко, И. Д. Всероссийский аграрный рынок XVIII – начало XX в. / И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов. – Москва : Наука, 1974. – 415 с.
2. Милов, Л. В. Великоорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л. В. Милов. – Москва : РОССПЭН, 1998. – 573 с.
3. Валлерстайн, И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / И. Валлерстайн ; предисловие, послесловие, редакция перевода А. И. Фурсова. – URSS, 2018. – 304 с.
4. Теория и методология истории : уч. для вузов / редкол.: В. В. Алексеев (отв. ред.) [и др.]. – Волгоград : Учитель, 2014. – 504 с.
5. Карсавин, Л. П. Философия истории / Л. П. Карсавин. – Санкт-Петербург : Комплект, 1993. – 350 с.
6. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / под ред. В. В. Бабашкина. – М. : Политическая энциклопедия, 2015. – 743 с.
7. НЭП в контексте исторического развития России XX века / редкол.: А. К. Соколов (отв. ред.) [и др.]. – М. : Ин-т рос. истории, 2001. – 317 с.
8. НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты / редкол.: А. С. Сенявский (отв. ред.) [и др.]. – М. : РОССПЭН, 2006. – 544 с.
9. Альтернативы большевистской модернизации в годы новой экономической политики / редкол.: С. В. Виноградов (отв. ред.) [и др.]. – М. : НИИ ИЭП, 2014. – 140 с.
10. Побережников, И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации / редкол.: В. В. Алексеев (отв. ред.) [и др.]. – Москва : РОССПЭН, 2006. – 240 с.
11. Алексеев, В. В., Побережников И. В. Опыт российской модернизации XVIII–XX вв. : взаимодействие макро- и микро-процессов / редкол.: В. В. Алексеев (отв. ред.) [и др.]. – Екатеринбург : БКИ, 2011. – 404 с.
12. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / редкол.: А. О. Чубарьян (отв. ред.) [и др.]. – М. : Аквилон, 2014. – 576 с.